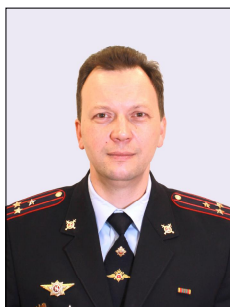

УДК 32
DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-8-86-94

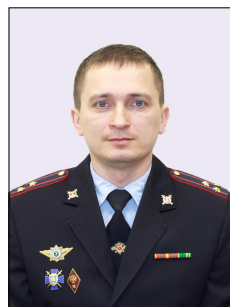
ИСЛАМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ISLAM AS A FACTOR OF POLITICAL AND LEGAL TRANSFORMATION OF TRADITIONAL SOCIETY IN THE NORTH CAUCASUS

Е. В. Сальников,
Орловский юридический институт
МВД России им. В. В. Лукьянова,
г. Орел

E. Salnikov,
Orel Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia named after
V. V. Lukyanov, Orel

В. В. Власов,
Орловский юридический
институт МВД России
им. В. В. Лукьянова, г. Орел

V. Vlasov,
Orel Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named
after V. V. Lukyanov, Orel

В последние десятилетия отмечается активное проникновение в национальные республики Северного Кавказа так называемого «чистого ислама», что привело к противостоянию с традиционным для указанного региона суфийским исламом. В этой связи в статье анализируются отмечающиеся в настоящее время процессы трансформации северокавказского общества, обусловленные перемещением населения из сел в города, что, по мнению авторов, влечет разрушение традиционного общества. В работе обосновывается взаимосвязь между процессами исламизации и трансформации современного северокавказского общества. Указанная проблема *актуальна*, так как гражданское противостояние в данном регионе может угрожать целостности Российской Федерации. *Объектом исследования* является политико-правовая трансформация традиционного общества на Северном Кавказе.

Предметом исследования является ислам как фактор политико-правой трансформации традиционного общества на примере национальных республик Северного Кавказа.

Цель исследования – определить характер взаимосвязи между отмечающейся в настоящее время политико-правовой трансформацией северокавказского общества и его исламизацией.

В соответствии с целью исследования нами были поставлены следующие *задачи*:

- 1) провести анализ современного состояния северокавказского общества в связи с отмечающимися тенденциями перехода от традиционного общества к современному;
- 2) определить потенциал ислама, как фактор модернизации традиционного северокавказского общества и обеспечения его стабильности

Ключевые слова: ислам; суфийский ислам; чистый ислам; ваххабизм; Северный Кавказ; политико-правовая трансформация; модернизация; урбанизация; адаты; родовая община (тейп)

In recent decades, there has been an active penetration of the so-called «pure Islam» into the national republics of the North Caucasus, which has led to a confrontation with Sufi Islam, traditional for this region. In this regard, the article analyzes the processes of transformation of the North Caucasian society that are currently being observed due to the displacement of the population from villages to cities, which, according to the authors, entails the destruction of traditional society. The paper substantiates the relationship between the processes of Islamization and transformation of modern North Caucasian society. This problem is relevant, since civil confrontation in this region may threaten the integrity of the Russian Federation. The object of the study is the political and legal transformation of traditional society in the North Caucasus.

The subject of the study is Islam as a factor of the political-right transformation of traditional society on the example of the national republics of the North Caucasus.

The purpose of the study is to determine the nature of the relationship between the political and legal transformation of North Caucasian society and its Islamization.

In accordance with the purpose of the study, the authors have set the following tasks:

1) to analyze the current state of North Caucasian society in connection with the observed trends of transition from a traditional society to a modern one;

2) to identify the potential of Islam as a factor of modernization of the traditional North Caucasian society and ensuring its stability

Key words: *Islam; Sufi Islam; pure Islam; Wahhabism; North Caucasus; political and legal transformation; modernization; urbanization; adats; tribal community (teip)*

Введение. Религия как устойчивое состояние массового сознания и поведения, неразрывно связана с развитием общества, выступая на определенных этапах мощным регулятором общественной жизни, поддерживающим общепринятые образцы поведения [9. С. 84], затрагивая его политико-правовую сферу. Это было актуально на протяжении всей истории человечества, в том числе и в настоящее время. Самюэль Хантингтон отмечал, что конец XX – начало XXI вв. характеризуется возрождением влияния религии на общественно-политическую жизнь [11]. О сущностной взаимосвязи политики и религии также говорится в работе Саймона Кричли «Вера неверующих» [12].

Особенно отчетливо влияние религии просматривается в обществах, находящихся в состоянии трансформации от традиционного к современному, с его секуляризованным сознанием. При этом «в развивающемся мире секуляризация воспринималась как явление смертоносное, насильственное и враждебное» [2. С. 431], что приводит к высокому уровню конфликтности. Соответственно, «... столкновение секулярного мира западной цивилизации и традиционного остального мира есть главная причина возникновения современного терроризма, в значительной мере религиозного» [4. С. 54].

Наиболее ожесточенное сопротивление проникновению секуляризма оказывает ислам, что вызвано особенностями данного вероучения, регламентирующего практически все аспекты жизни своих последователей и, вследствие чего наиболее болезненно воспринимающего происходящие изменения. В то же время, возлагать вину за терроризм исключительно на исламский мир было бы несправедливым. Так, рукоположенный священник (служитель) Universal Life Church (ULC) Алекс Голдвин заявлял, что «терроризм порожден агрессией западного мира» [1]. Соответственно, разрешение указанного конфликта должно происходить не

в плоскости насильственного подавления, а путем использования потенциала ислама для безболезненной трансформации традиционных обществ с доминирующей исламской культурой. Более того, возможность успешной модернизации исламского мира, без опоры на религию, представляется сомнительной.

Данный вопрос является актуальным и для нашего общества, так как ислам – одна из ведущих конфессий в Российской Федерации. Он глубоко и прочно интегрирован в российское социокультурное пространство. Именно этот адаптированный к местным российским условиям ислам и принято определять как «традиционный». Особенно важна роль адаптации ислама к местным особенностям в полиэтничном и поликультурном северокавказском регионе [10. С. 132], где ситуация осложнена модернизационными процессами, происходящими в национальных республиках с исламским большинством. Это обусловлено отмечающимся перемещением населения из сел в города, то есть процессами, аналогичными тем, что имели место в большинстве других регионов бывшей РСФСР в 20–50-е гг. XX в.

Объектом исследования является политико-правовая трансформация традиционного общества на Северном Кавказе.

Предметом исследования является ислам как фактор политико-правой трансформации традиционного общества на примере национальных республик Северного Кавказа.

Цель исследования – определить характер взаимосвязи между отмечающейся в настоящее время политико-правовой трансформацией северокавказского общества и его исламизацией.

В соответствии с целью исследования нами были поставлены следующие задачи:

1) провести анализ современного состояния северокавказского общества в связи с отмечающимися тенденциями перехода от традиционного общества к современному;

2) определить потенциал ислама, как фактор модернизации традиционного северокавказского общества и обеспечения его стабильности.

Методология и методы исследования. Философские методы и принципы познания; метод сравнительного анализа в сочетании с принципами объективности, историзма, единства исторического и логического, единства теории и практики, диалектики объективного и субъективного факторов истории.

Решение изучаемых проблем осуществляется также на основе общенаучных исследовательских подходов (системного, структурно-функционального, деятельностного) и общенаучных методов: синтеза, анализа, методов логического и исторического анализа, индукции, дедукции и др.

В работе нашли отражение положения и выводы по исследуемой проблеме, содержащиеся в трудах отечественных и зарубежных авторов.

Результаты исследования и практическая значимость. Появившись на Северном Кавказе в VII в. н.э., в период Арабского Халифата, ислам долгое время не оказывал определяющее влияние на регион, несмотря на влияние Золотой Орды и Османской империи. Это было обусловлено сходством условий жизни различных народов Северного Кавказа, предполагавших организацию общественной жизни на основе взаимодействия родовых общин, что при отсутствии или слабости государственных институтов способствовало укреплению обычного права (адатов). Адаты представляли собой совокупность правил жизни горцев, которые передавались ими из поколения в поколение. Они являлись неписаными законами, за нарушение которых общество наказывало провинившихся.

Анализируя характер адатов, а именно: уважение к старшим, гостеприимство, обычай похищения невест, атальчества (обмен детьми для их воспитания), обязательная родовая (тейповая) взаимовыручка, кровная месть и т. д., можно утверждать, что причиной их устойчивости перед лицом ислама было соответствие родовому характеру общественных отношений северокавказского общества того времени.

Толчком к распространению ислама послужила активная экспансия Российской империи, которая особенно усилилась в XIX в.,

так как российское правительство стремилось обеспечить безопасность путей для соединения с Грузией. В этой связи стало очевидным, что для войны с Россией необходимо объединение усилий не только родовых сообществ, но и всех этносов многонационального Северного Кавказа, предполагавшее необходимость создания государства. Это было невозможно сделать без идеологической основы, позволяющей преодолеть родоплеменное разделение сообществ, установленных адатами. Для противостояния мощной православной Российской империи логичным решением было использование в качестве опоры ислама. Таким образом, в 1829–1859 гг. формируется имамат, представлявший собой религиозное теократическое государство. В указанном государственном образовании установлен исламский религиозный закон – «шариат». Доминирующим течением ислама стал суннизм шафиитского мазхаба в виде различных суфийских братств, таких как накшбандийа, кадирийа, шазилийа.

Данное религиозное течение приобрело здесь специфические черты и оформилось в виде течения, получившего название – мюридизм («мюрид» – ученик). При этом мистическая часть суфийской философии была уменьшена, а идея «джихада», как борьбы с неверными, наоборот, выступала на первый план. В 1864 г. Кавказская война завершена, однако мюридизм остался влиятельным учением [8. С. 57], а религиозные духовные учителя приобрели в северокавказском обществе огромный авторитет, иногда до почитания схожего с культом святых в православном и католическом христианстве. Суфийский ислам, слившись с обычным правом (адатами), стал неотъемлемой частью идентичности многих местных народов, адекватно регламентируя общественные отношения традиционного родового общества. Указанные нормы устанавливали правила поведения кавказского мужчины, женщины, отдельной семьи, а также общины в целом и ее взаимоотношения с другими общинами и внешним миром. Таким образом, суфизм оказался тесно связанным с этничностью многих северокавказских народов, который рассматривался как важный аспект сохранения национальной идентичности в условиях русификаторской политики имперской России, а в дальнейшем – политики советизации при СССР.

Ввиду указанных обстоятельств под термином «традиционный ислам» в условиях Северо-Кавказского региона подразумеваются суфийские школы суннитского ислама. Часто приходится встречаться с высказываниями, оспаривающими правомочность указанного термина. В этой связи следует отметить, что: «В этнографии традицией считается устный метод фиксации и передачи из поколения в поколение важнейшей информации. Во многих религиозных конфессиях под традицией понимались существующие нормы вероисповедания... Из множества имеющихся определений традиций следует выделить определение известного этнографа К. В. Чистова: «традиции – это механизм аккумуляции, передачи (трансмиссии) и актуализации (реализации человеческого опыта, т. е. культуры, ... это сеть (система) связей настоящего с прошлым» [1. С. 87]. Поэтому любая конфессия, исповедуемая на определенной территории или определенным этносом в течение длительного времени и ставшая важной частью его национальной культуры, является традиционной для данной территории или этноса. Отмечающееся в настоящее время противостояние суфийскому исламу, даже путем попытки замены его на другое течение указанной религии, является борьбой с устоявшейся традицией.

Попытки сломить традицию и таким образом модернизировать северокавказские этносы в период Российской империи и СССР, не достигли своей цели. Это объясняется тем, что у значительной части северокавказского общества не было массового запроса на модернизацию такого рода, которая воспринималась ими как попытка их ассимилировать. Ситуация изменилась в 90-е гг. XX в, когда на территорию Северного Кавказа проникли идеи так называемого «чистого ислама», представляющие собой совокупность религиозных течений, получивших в средствах массовой информации название «ваххабизм» (сами они так себя не называют по религиозным причинам). Названные течения, различаясь между собой, схожи в том, что для возрождения ислама необходимо вернуться к своим истокам, а именно – к временам пророка Мохаммада, путем устранения всех нововведений (бида), под которыми в том числе понимались национальные обычаи и традиции, противоречащие шариату. Данное течение получило широкое распространение

на Северном Кавказе, активно конкурируя с суфийским исламом, что вызывало напряжение в обществе.

Говоря об обстоятельствах, способствовавших успеху нового религиозного течения, следует выделить внешние и внутренние по отношению к северокавказскому социуму причины.

К внешним причинам можно отнести:

- исчезновение Советского Союза с политической карты мира и, как следствие, поражение коммунистической идеологии;
- две российско-чеченские войны;
- миссионерская деятельность зарубежных проповедников;
- ксенофобия и национализм.

Рассмотрим их более подробно.

Распад Советского Союза повлек крах советского типа модернизации традиционных обществ, на основе коммунистической идеологии, а падение железного занавеса привело к притоку миссионеров из стран Ближнего Востока, которые проповедовали «чистый ислам» среди местного населения. При этом страны Ближнего Востока вкладывали большие средства в обучение студентов с Северного Кавказа в своих учебных заведениях, где ими пропагандировалась идея об искаженности суфийского ислама и необходимости построения религиозного государства, что способствовало формированию конфликтного отношения к ценностям светского общества, угрожая единству России.

Усиление сепаратистских тенденций на окраинах бывшей империи привело к международным конфликтам, в ходе которых активно использовался религиозный фактор. Особенно значимый негативный отпечаток наложили две российско-чеченские войны, которые значительной частью исламской уммы воспринимались негативно и способствовали притоку добровольцев в ряды сепаратистов, среди которых значительное количество составляли представители радикального ислама.

Помимо указанных факторов, в 90-е гг. резко возрос уровень национализма и ксенофобии, в том числе и в отношении представителей северокавказского региона. Имели место случаи произвола и дискриминации, а также оскорбительные высказывания в адрес людей по признаку их национального и религиозного происхождения, допускаемые федеральными чиновниками весьма высо-

кого уровня. В результате многие люди на Северном Кавказе стали ощущать свою обособленность от остальной части российской гражданской нации. Принимая во внимание, что республики Северного Кавказа с доминирующим мусульманским населением являются частью мусульманского мира, это привело к ситуации, когда исламская интеграция стала рассматриваться частью северокавказского общества как более привлекательная альтернатива общероссийскому проекту.

В то же время, никакие внешние факторы не имели бы успеха, если не существенные внутренние предпосылки. В этой связи следует обратить внимание на происходящие в регионе процессы трансформации традиционного общества в современный городской социум, которые усугубляются плохой социально-экономической обстановкой. В результате указанных процессов много молодых, сильных и энергичных людей, привыкших к жизни по определенным правилам, попадают в условия, где привычные нормы обычного права (адатов) не всегда оказываются адекватными для большого города, а тем более мегаполиса.

Среди таких норм обычного права (адатов), по нашему мнению, следует выделить:

- первичность рода (тейпа) перед семьей, от которой требуется много детей для укрепления позиций сообщества;
- беспрекословный авторитет старейшин, так как защитить себя и содержать большое количество детей без координации общих усилий чрезвычайно сложно;
- кровная месть, как необходимое условие регуляции общественных отношений, при слабости государственных институтов или непризнании их авторитета;
- сильные следы тотемизма, связывающие происхождение этноса или его родство с тотемным животным, призванные усилить первичность кровной связи. Показательным является «культ волка», распространяемый среди сепаратистов в первую чеченскую войну.

Самый поверхностный анализ современной политико-правовой обстановки на Северном Кавказе позволяет утверждать, что все названные нормы обычного права подвергаются серьезной трансформации по причине изменения уклада жизни горцев, а для идеологического обоснования необходи-

мости изменения указанных норм используется ислам.

Происходящие на Северном Кавказе изменения наложили отпечаток, в частности, на демографическое поведение, которое все больше стало соответствовать городскому социуму. В средствах массовой информации и выступлениях официальных должностных лиц часто приходится слышать о том, что Северный Кавказ является благополучным в демографическом отношении регионом. Этот тезис является спорным. Действительно, по сравнению с другими регионами России, где переход преимущественно к малодетной семье произошел в 60-е гг. XX в., ситуация на Северном Кавказе выглядит благополучно, однако если рассмотреть ее в динамике, то становится очевидным, что это далеко не так.

В период 1959–1970 гг. на Северном Кавказе отмечается настоящий «бэби бум». «Лидером демографического взрыва стали Чечено-Ингушская АССР, где численность населения выросла на 50 %, Кабардино-Балкарская АССР (на 40 %), Дагестанская АССР (на 34,4 %), Северо-Осетинская АССР (на 22,6 %), Ставропольский край (на 22 %), Краснодарский край (с. Адыгеей) (20 %). В Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в этот период зафиксированы максимально высокие показатели рождаемости и естественного прироста. В то же время в русскоязычных субъектах происходит увеличение населения главным образом благодаря высокому положительному миграционному салдо» [7. С. 92]. Очевидно, что добиться в столь краткие сроки такого высокого уровня естественного прироста населения было возможно лишь в условиях преобладания в социуме многодетных семей.

Однако, анализируя показатели 2017 г., можно отметить, что ситуация существенно изменилась. Суммарный коэффициент рождаемости в целом по России в это время составил 1,621 (в 1990 г. – 1,892); в Северо-Кавказском федеральном округе (далее СКФО) – 1,872 (данных за 1990 г. нет); в Республике Дагестан – 1,908 (в 1990 г. составлял 3,069); в Республике Ингушетия – 1,772 (данных за 1990 г. нет); в Республике Кабардино-Балкария – 1,612 (в 1990 г. составлял 2,447); в Республике Карачаево-Черкессия – 1,429 (в 1990 г. составлял 2,193); в Чеченской республике – 2,730 (данных за 1990 г. нет) [4. С. 60].

Мы видим, что все субъекты СКФО, за исключением Чеченской республики, не дотягивают до суммарного коэффициента рождаемости, необходимого для простого воспроизводства населения, который должен составлять не менее 2,11. Также очевидно стремительное сближение указанного показателя СКФО с общероссийскими. Так, если в 50–70 гг. XX в. имеет место многодетность, то уже к 1990-м гг. очевиден переход к семье 2...4 ребенка, а в 1990–2017 гг. уровень рождаемости во всех субъектах СКФО, за исключением Чеченской республики, оказался на уровне простого воспроизводства и даже ниже. За указанный промежуток времени суммарный коэффициент рождаемости упал: в целом по России на 0,271; в Республике Дагестан на 1,161; в Республике Кабардино-Балкария на 0,835; в Республике Карачаево-Черкессия на 0,698. Более того, в 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Кабардино-Балкария и Республике Карачаево-Черкессия оказался ниже, чем в целом по России. Цифры свидетельствуют о том, что все республики Северного Кавказа находятся в процессе перехода к современной структуре семьи, следствием чего с высокой степенью вероятности станет снижение авторитета старейшин, а также усиление ее самостоятельности от рода (тейпа). В условиях малодетности родители (папа и мама) становятся экономически менее зависимыми от старшего поколения, опыт жизни которого не всегда оказывается эффективным в условиях большого города. Это будет порождать ценностный конфликт, при котором отжившие традиции будут постепенно нивелироваться. По нашему мнению, это один из факторов роста популярности «чистого ислама», сторонники которого в дискуссиях с мусульманами суфиями основной упор делают на недопустимость так называемых нововведений (бида), которые есть ни что иное как следы воздействия обычного родового права на ислам в условиях Северного Кавказа.

Рассмотрим более подробно модернизационный потенциал и причины роста «чистого ислама» в условиях кризиса родовой общины в северокавказском регионе:

1) ислам возник на территории современного Аравийского полуострова в условиях разложения родоплеменного общества как государственный проект, призванный объединить разрозненные арабские племена,

соответственно, по своей сути он направлен на преодоление родовых перегородок для утверждения единого закона – «шариата». Если обратить внимание на исламские и иные северокавказские форумы, то там все отчетливее звучат слова о приоритете законов ислама над обычным правом (адатами) и необходимости единения на основе религии;

2) ислам значительно повышает роль главы семейства по сравнению с родовым правом. Несмотря на разногласия, относительно возраста совершеннолетия мужчины в различных школах ислама, несомненно, что для взрослого человека ориентиром становятся положения Корана и Сунны (жизнеописания пророка Мухаммеда). Соответственно, в случае, если указания отца или старейшин рода, по мнению взрослого мусульманина, противоречат шариату, он обязан выбрать последнее. Ислам позволяет любому взрослому мужчине жить отдельно от родителей, в то время как в соответствии с родовыми обычаями (адатами) один из сыновей, как правило, младший, обязан оставаться с ними;

3) положение женщины также становится более адекватным к жизни в условиях городского социума. Она обладает правом не выходить замуж за предложенного ей мужчину, а выйдя замуж, рассматривается как собственность мужа, а не рода. Жена получает определенные права, например, жить отдельно от своей свекрови, если она того пожелает. Ислам неодобрительно относится к практике похищения невест, так как в этом случае может не учитываться воля женщины. Получив развод, женщина также обладает определенными правами, в том числе выйти замуж снова;

5) ислам в значительной степени адаптирует многие родовые традиции к современным условиям. Например, для празднования свадьбы на Северном Кавказе необходимо приглашать максимальное количество родственников и знакомых, что бывает накладно для молодой семьи с небольшим доходом. В то же время при заключении исламского брака (никяха) допускается приглашение ограниченного количества людей (при скромном положении молодоженов);

6) регулируя все стороны общественной жизни, при этом гарантируя равноправие среди взрослых мужчин мусульман, ислам удобен для части населения, находящегося

в маргинальном (переходном) состоянии от родовых отношений к условиям современного городского социума. Людям, привыкшим к жесткой и понятной ценностной шкале, а также беспрекословному подчинению воле старших, оказавшихся в условиях свободы и неопределенности, вне абсолютного контроля рода (тейпа), на первом этапе проще найти точку опоры в иной жесткой ценностной системе, тотально регламентирующей все сферы жизни человека;

7) тесно связанным с предыдущей причиной является желание противостоять русификации, под которой в условиях Северного Кавказа понимаются любые секулярные тенденции. Получив большую свободу от родовых клановых ограничений, человек в то же время желает сохранить свою идентичность. Ислам в этом случае позволяет, с одной стороны, отказаться от части норм обычного родового права и в то же время не раствориться в условиях большого государства с доминирующим этносом. Отсюда вытекает болезненная реакция в отношении такого явления, появившегося на Северном Кавказе как «неформалы», что воспринимается как угроза деградации, русификации, европеизации и т. д. Появление группы людей, которые вызывающе одеваются, свободно рассуждают на самые различные темы и заявляют о вещах до сих пор неприемлемых в северокавказском обществе, также свидетельствует о происходящих модернизационных процессах. Они пугают консервативное северокавказское общество и на ислам полагаются как средство спасения от этих явлений в условиях происходящих изменений.

Положительно оценивая модернизационный потенциал ислама для указанного региона, мы полагаем, что рассматриваемые процессы требуют внимательного и деликатного отношения. Наличие большого маргинального слоя людей с неустойчивыми ценностными ориентациями при высоком, даже по российским меркам, уровне коррупции, может служить источником радикализации.

Заключение. Для обеспечения устойчивости российского государства и стабильности северокавказского региона, необходимо:

– формирование российской гражданской нации, когда представители всех регионов Российской Федерации будут ощущать себя равноправными гражданами, солидарно определяющими судьбу страны. Для государства важно формирование общенационального проекта будущего, который должен быть светским по сути, но вместе с тем учитывать исторический опыт и культурные особенности многонационального и многоконфессионального народа страны;

– недопущение великодержавного шовинизма, дискриминации и оскорблений в отношении этнических и религиозных меньшинств, а вместе с тем противодействие деятельности религиозных группировок, допускающих использование насилия или призывающих к сепаратизму;

– органам государственной власти следует выстраивать отношения не только с представителями суфийского ислама, но и с теми представителями «чистого ислама», которые нацелены на использование ненасилованных методов в миссионерской деятельности, а также допускают нахождение республик Северного Кавказа в составе Российской Федерации;

– традиционным суфийским исламским религиозным организациям необходимо учитывать происходящие процессы модернизации и запрос молодежи на большее участие в общественно-политической жизни. Следует помнить, что «модернизация традиционного ислама означает не его перерождение в экстремистскую версию ваххабизма, а адаптацию традиционного ислама к современным социально-экономическим, политическим условиям, а также обновление форм исламского образования и религиозной деятельности с использованием современных информационных технологий» [6; 10. С. 135].

Список литературы

1. Апажева С. С. Трансформация традиций народов Северного Кавказа: от прошлого к современности // Вестник калмыцкого университета. 2019. № 2. С. 86–92.
2. Армстронг К. Поля крови. Религия и история насилия. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 431.
3. Архангельский В. Н. Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17. С. 57–74.

4. Борисов С. Н., Дмитраков А. М. Духовная безопасность и проблемы безопасности в современном мире // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 2. С. 48–55.
5. Голдвин А. Коран о Библии и христианстве. URL: <https://www.proza.ru/2016/16/14/1911> (дата обращения: 16.09.2021). Текст: электронный.
6. Ильюк Е. В. Молодежь как группа риска и основные техники манипулирования при вовлечении в экстремистские организации // Виктимология. 2019. № 39. С. 26–35.
7. Казалиева А. В., Миненкова В. В., Мамонова А. В. Ретроспективный анализ динамики изменения численности населения Северного Кавказа // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2018. Т. 12, № 2. С. 89–94.
8. Плиева З.Т. К вопросу о формах ислама на Северном Кавказе – история и современность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. №1. С. 54–58.
9. Сгибнева О. И. Религия в историческом сознании современного российского общества: динамика и противоречия // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгресса Российских исследователей религии (г. Владимир, 7–9 октября 2016 г.): в 6 т. Т. 2. Владимир: Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2016. 264 с.
10. Султанакмедова З. Г. Традиционный ислам на Северном Кавказе // KANT. 2018. № 1. С. 131–135.
11. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2017. 576 с. (Геополитика).
12. Critchley S. *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*. Verso Books. Kindle Edition. 2012.

References

1. Apazheva S. S. *Vestnik kalmytskogo universiteta* (Bulletin of the Kalmyk University), no. 2, 2019, pp. 86–92.
2. Armstrong K. *Polya krovi. Religiya i istoriya nasiliya* (Blood Fields. Religion and History of Violence). Moscow: Alpina non-fiction, 2016, pp. 431.
3. Arkhangelsky V. N. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* (Journal of Social Policy Research), 2019, No. 17, pp. 57–74.
4. Borisov S. N., Dmitrakov A. M. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* (Science. Art. Culture), 2018, Issue 2, pp. 48–55.
5. Aleks Goldvin. *Koran o Biblii i khristianstv* (Quran about the Bible and Christianity. Available at: <https://www.proza.ru/2016/16/14/1911> (date of access: 16.09.2021). Text: electronic.
6. Iliyuk Ye. V. *Viktimologiya* (Ilyuk E.V. Victimology), 2019, no. 39, pp. 26–35.
7. Kazaliyeva A. V., Minenkova V. V., Mamonova A. V. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Yestestvennyye i tochnyye nauki* (Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Natural and exact sciences), 2018, vol. 12, no. 2, pp. 89–94.
8. Pliyeva Z.T. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennyye nauki* (Bulletin of the North Ossetian State University. K. L. Khetagurov. Social Sciences. 2016. no. 1, pp. 54–58.
9. Sgibneva O. I. *Akademicheskoye issledovaniye i kontseptualizatsiya religii v KHKHI veke: traditsii i novyye vyzovy*: sb. materialov Tret'yego kongressa Rossiyskikh issledovateley religii (*Academic research and conceptualization of religion in the XXI century: traditions and new challenges*): collection of articles. Materials of the Third Congress of Russian Researchers of Religion (Vladimir, October 7-9, 2016): in 6 vol. V. 2. : Vladimir. State Un-ty named after. A.G. And N.G. Stoletovs, 2016. 264 p.
10. Sultanakhmedova Z. G. KANT (KANT), 2018, no. 1, pp. 131–135.
11. Khantington Samyuel. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* (Clash of Civilizations / per. from English T. Velimeeva). Moscow: AST, 2017. 576 p. (Geopolitics).
12. Critchley S. *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology* (The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology). Verso Books. Kindle Edition. 2012.

Информация об авторе

Сальников Евгений Вячеславович, д-р филос. наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия. Область научных интересов: экстремизм и терроризм
esalnikov5@mvd.ru

Власов Виталий Витальевич, канд. полит. наук, доцент кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. Область научных интересов: религиозные организации как группы интересов и давления
vitaliyy_vlasov@ro.ru

Information about the author

Evgeny Salnikov, doctor of philosophical sciences, associate professor, head of the Social and Philosophical Disciplines department, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia. Research interests: extremism and terrorism

Vitaly Vlasov, candidate of political sciences, associate professor, Social and Philosophical Disciplines department, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. Research interests: religious organizations as interest and pressure groups

Для цитирования

Сальников Е. В., Власов В. В. Ислам как фактор политико-правовой трансформации традиционного общества на Северном Кавказе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 8. С. 86–94. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-8-86-94.

Salnikov E., Vlasov V. Islam as a factor of political and legal transformation of traditional society in the north Caucasus // Transbaikalian State University Journal, 2021, vol. 27, no. 8, pp. 86–94. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-8-86-94.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2021 г.

Статья принята к публикации: 06.10.2021 г.